

Добыча ко Дню рыбака

По речным мочажинам, по заливным луговинам, по любой поствесенней мокряди от Урала до Владика растёт лилейка. Мало кто знает, что эта травка — лилия. Да и зачем сибиряку такую дребедень знать! Он знает, что травка, пахнувшая чесноком, знатная закуска. Вон смотри, под разлапистой пихтой сразу три пучка по полтинничку. Собирай, не забудь пару-тройку яиц покруче да в пирог! Стрескаешь за милую душу и губами подавишься: такая вкуснятина!

А уж если изловчился и в речке пяток хайрюзов закуканил, то потроши да соли, будто впрок, но не торопись в туес берестяной складывать. Разведи костерушку пожарче да забудь про неё на время. Рыбочек оберни листьями черемши, обмажь глиной. Как нет глины? Да бог с ней с глиной! Оберни в два-три ряда мокрой газетой. Смотри, а костёр-то прогорел. А нам этого и надо. Клади рыбу, подгребай к ней уголья. Нет-нет! Перекур ещё рано устраивать. Расшевели огонь сушняком мелконьким, котелок воды черпани. Чаёк должен вместе с рыбой поспеть. Да не ленись. Время ещё есть. Пройдись не спеша по распадку, оглядись вокруг, лес послушай, сорви к чаю пять листиков смородины.

А лес, пропитанный голубым светом, с редкими белесыми клочками тумана, звенит и поёт на все голоса. На ближних подступах — Комар-Комарович. Так у нас в тайге тепло и по-свойски величают «хор имени Пятницкого», который со всеми родственниками до сто двадцать пятого колена, детьми и внуками кружит над твоей головой, изредка пикируя на оголённые участки. Их сверхзадача — пополнить запасы продовольствия, то есть вволю попить вашей кровушки. На стоящей поодаль сухой столетней сосне дятел-красноголовик устроил свою кузницу и то и дело рассыпает сытые и весёлые трели. И не заболит же голова у птички! Речка булькнула, стукнувшись головой о камень, сосна о сосну трётся, поскрипывает; лёгкий ветерок пробежал по макушкам крошек-осинок, ещё нетронутых зверем.

Впрочем, уже готова рыба! Черемша разделила с рыбой свой бесподобный пикантный запах. Слюной изойдёшь, пока дождёшься царского угощенья. Даже и без наркомовских «ста граммов» отлично пойдёт...

Юрка не пришёл на речку вместе с нами. Он потным, лохматым и матерящимся метеоритом прискакал, принёсся на речку. Уже второй год на горе, через которую нам нужно было перейти по дороге на речку, стоял вагончик заготовщиков леса. Они регулярно пилили и продавали в городе дрова, пили водку и сутками дрыхли на железных нарах в своём вагончике. Хотя в ближних ямах у лесорубов торчала пара-тройка мелкочаеистых сеток, мужики не были нашими соперниками. Но у мужиков лаяли четыре собаки, четыре здоровенных псины тупоголовой породы. Впечатление было такое, что эти лохматые сторожа, эти стервозы, поджидают только нас. Они чувствовали наш страх, лаяли до хрипоты и готовы были выскочить из собственных шкур. Животины не давали нам прохода! Мы с позором вынуждены были обходить дальней тропой или идти напрямую через завалы и кочегуры. Сегодня Юрка, припозднившись на электричку, решил идти через гору. Это он зря так решил...

Свора умела великолепно считать до трёх и прекрасно видела, что Аткакин сегодня один. Пришлось бежать, отбиваясь удочкой.

— Ссуки! — задохнувшись, констатировал Юрка.

— Не все, — тонко подметил мой младший сын, а я пояснил:

— А что вы хотели, уважаемый Юрий Анатольевич, собаки — они и в Африке эти... как их, во-во, шакалы. Спать по утрам меньше надо. А ещё лучше вовремя ложиться. Отдышись, отдохни — и... за хворостом, будем ушицу налаживать.

Кстати, Юра, разрешите вас поздравить с праздником. Сегодня — День рыбака. Страна поздравляет своих героев.

В миру Юрий Анатольевич работал педагогом в музыкальной школе по классу баяна. У него и учился мой младший сын Илья. Строгий и серьёзный учитель, отслуживший три года на отечественном авианосце «Минск», был страстно влюблён в речку. Опыта таёжного у него было маловато, но человек он был надёжный. Азартный? Да, конечно! Упрямый и даже настырный? Разумеется! В одно лето он освоил все рыбацкие премудрости и маленькие хайрюзовые хитрости и стал ловить вровень со мной, а иногда и облавливал. Левша, он рыбачил с правого берега, закидывая удочку в доступные лишь ему места. Я поднимался левым берегом, забрасывая с правой руки.

«Поднимался» и «забрасывал» — глаголы прошедшего времени, но несовершенного вида. Однако, сколько же надо было, выгибаясь ужом, потратить сил и энергии, чтобы продраться через прибрежную урёму и, жонглируя, балансируя на поваленных деревьях, положить мормышку с наживкой в нужное место. По-

ложить да не зацепить леску за сучья и листья вверх. Положить да не зацепить за коряги или камни на дне. Ну, а уж если хариус всё-таки находил мормышку с наживкой, то вытащить его из реки было целой проблемой.

Солнце ласково целовало нас в макушки. Комаров почти не было — поляна-то открытая. Уха доходила на угольках. Готова была и закуска: добрый пучок свежайшей черемши, сальце, жаренное на прутиках смородины, чёрный хлеб крупными ломтями. Не было одного — ста граммов! На нет и суда нет. Юрка взял котелок и пошёл к речке за водой для чая.

Его истошный крик кинжалом пронзил таёжные завалы.

— Петрови-и-ич! По-мо-гай!!! — протяжно кричал Юрка, держа обеими руками удочку, перебирая ногами по берегу. — Скорее! Ну, скорее же, сорвётся!..

Мы с сыном бежали через поляну, а в голове бился немой вопрос: «Кого он там зацепил? В «моей» речке нет такой рыбы!» Лёгкое и тонкое таловое удилище трепетало в руках счастливого рыболова. Станным образом изгибался у удочки тонкий кончик. Когда мы добежали до берега, рыбак сделал последнее усилие и, наконец, вытащил... бутылку «Столичной». Юрий Анатольевич, виновато моргая, лучезарно улыбался. Шутка удалась на славу... А «добыча» мирно лежала на траве, поблёскивая крутыми боками. Вот это добыча! Вот это подарок ко Дню рыбака!

Затмение

В газете «Известия» я нашёл коротенькую весть о полном солнечном затмении, которое произойдёт не далее как в нынешнее воскресенье. Собственно затмение меня интересовало мало. В своей жизни я их наблюдал: солнечные, лунные, да и в моей светлой голове они стали происходить с завидной регулярностью. В заметке было сказано, что рыба клюет немного до и бешено после затмения. А в короткий момент самого затмения — рыба пешком выходит на берег. Остается её, миленькую, собрать в мешок. Какую хочешь, на выбор, а главное, сколько твоя жмотская душа пожелает.

Команда моя — три моих ученика — готова была тронуться в путь в любую минуту, в любую погоду и в любом направлении. Я научил команду не обременять себя длинными удилищами, огромными рюкзаками с массой снастей и провиантом на неделю. Черёмуховое удилишко-коротыш, сумка под рыбу, котелок для чая. Из снастей — десяток мормышек, пара мушек и метров пять лески. По опыту команда знала: нам предстоит пройти добрых два десятка километров по такой урёме, что лишний килограмм будет в тягость.

Воскресенье выдалось обычное. Никто не опоздал на вокзал, умытая электричка подошла вовремя и по расписанию отправилась в сторону Чуны. В первом вагоне ехали рыбачёсы — рыболовы, которых мало волновал процесс ловли. Они больше любили околорыбацкую возню. В неё входило часовое ожидание электропоезда с колкими поздравками, дружная и неспешная посадка, всенепременнейшее остограммливание с продолжением и скоростным закусыванием, показ старых уловистых снастей и новых, которые вот сегодня перевернут сабанеевские устои рыбной ловли, постукивание места на руке чуть выше локтя — словом, всё то, что заставляет отдельных особей мужского пола плюнуть на заросшую сорняками картошку, завести будильник на «пять», край полшестого, и умчаться в страну непуганых хариусов и большесковородочных лещей.

Нас эта суэта интересовала мало. Мы давно знали, что половина говорунов вернётся домой с пустыми руками в отличие от нас, небольшая часть утешится десятком ельцов, если ездили на Бирюсу, или карасей, если ездили на Борисово или Костомарово озера. Один-два рыбакова будут стеснительно поправлять хвост солидного карася, торчащего нарочито из ведёрка или крупного подлещика. Мы свою речку знали, верили в неё, как в себя. Без хариусов мы не вернёмся. На их количество не может повлиять даже погода. Вот разве что затмение!

На нашей рыбалке всё было рассчитано по минутам. По крайней мере, у меня. У мальчишек ещё не всё и всегда получалось. Но этих пацанов я таскал по всем речкам с пятого класса, и они раз от разу совершенствовались. Начинали мы всегда от первой «избушки», которую на одной из первых рыбалок показал мне метранпаж нашей районки Генка Кушков. Настоящий вампиловский метранпаж! «Избушка» была скорее землянкой, которую в пятидесяти метрах от речки выкопали местные охотники. Выкопали, сделали накат — закрыли круглыми ошкуренными и просмолёнными брёвнами, устроили небольшой столик и нары. Печкой служила половинка бочки. А что? Можно подсушиться, отдохнуть и перекусить, если, конечно, выкурить полчища комаров и прочих кровососущих. От первой «избушки» до первого «мостика» я обычно ловил два-три десятка хайрюзов, потрошил и подсаживал рыбу, варил первый чай. Это обычно. А сегодня — до затмения оставалось ещё два часа — речка была пуста, словно в неё бросили маленькую атомную бомбу. И не только речка. Лес тоже умер! Стихли птицы, затупили свои пилы кузнечики, мошкара забила в траву и листья. Природу вместе с нами с головой макнули в вакуум. Казалось, трава прильнула к земле, листья — к веткам, ветки — к стволам. До полного солнечного затмения оставалось десять минут.

Я пока не выказывал никакого беспокойства: менял мормышки и наживку, пробовал ловить на мушку, пробовал со дна и по верху. В речке всё было глухо, как в танке. Даже коряги перестали цепляться. Мы ждали одиннадцати. Вот сейчас из-под каждого камушка выберутся, из-за берёзы-утопленницы покажутся, среди придонной травы мелькнут здоровенные хариусы-марсовики и начнут, обдирая бока и жабры, бросаться на пустую мормышку. Ровно в одиннадцать не случилось ровно ничего. Не померк свет, не заиграл духовой оркестр. Рыбы тоже не было. Странно, что соврала заметка в газетке. А, может, и не соврала нисколько. Мы привыкли воспринимать мир, существующую реальность через хороший, но наш отечественный объектив «Индустар-65». Он видел то, что видел человеческий глаз. Вода была водой, зелёное — зелёным, кривое дерево оставалось кривым до полена в печке. А сегодня в одиннадцать дня на хороший объектив нацепили зачем-то немецкий цейсовский светофильтр ЖС-17, и мир окунулся в чернильницу, где чернила оказались серого цвета. Всё разом поблекло, потеряло оттенки, и переходы смазались:

— Классно! — хором возопили мальчишки.

— Как будто Земля в грязно-серую паутину со всего маху вляпалась, а выбраться никак не может, — грустно констатировал Ющ.

— Запомните, мальчишки, эту минуту! Любое затмение, особенно если оно в голове, не меняет сущности предметов, а приземляет и видоизменяет лишь форму того, что мы видим и что о нём думаем, — загнул я несколько туманно.

— Да понятно! Чмо он и в Африке чмо! — подытожил Димка Бычков.

— Речка осталась речкой. И у нас по третьему глазу не открылось. А затмение заканчивается, вон смотрите, — я показал в сторону горизонта, где ярко зеленели

листья берёзового и осинового подроста, освещённые краешком уже показавшегося солнца.

Я осторожно обогнул разлапистую ель, лежащую поперёк тропы, и с руки отправил мормышку с наживкой в голову небольшой песчаной ямки. Хариус молнией вылетел из-под густого куста чёрной смородины, а уже через секунду бился своей непутёвой головёнкой о стенки дерматиновой сумки. Его земное, а точнее, водяное существование закончилось, а наше продолжалось. Что поделаешь, мы ведь на вершине пищевой цепочки! Рыбчёмсам утерли носы. К концу дня у меня без трёх было полторы сотни хариусов, причём большая половина уже готовая к употреблению.

Медведи на рыбалке

Хорошо, сидя на мягком одеяле, с балкона разглядывать звёздных Медведей. Вот они: Большая Медведица — семь звёзд, а рядом Малая — пять. Интересно с кружкой чая почитать в сон грядущий внуку Киплинга. У него медведь — большое, умное и... доброе животное. Доброе, но справедливое... для всех Мауглей, потому что одной крови. Косолапых в зоопарке и цирковых Потапычей мне лично было всегда откровенно жаль: какие-то облезлые, грустные и вечно голодные.

Картинка пятилетней давности всё время перед глазами: мимо нашего города проезжал зоопарк, остановился, решили покормить зверьё. Плоскому и плешивому медведю швырнули булку хлеба. Вот, ей-богу, не вру, он плакал! Ел хлеб и плакал. В артистической нынешней жизни, видно, редко перепадало ему такое счастье.

И картина сорокалетней давности иногда неожиданно выплывает из прошлого: отец оставил меня на попечение престарелой тётки в Байсах. Он здесь родился. В Байсах Малый Амалат — быстроногий правый приток Витима — ударяется о гранитный утёс и, словно испугавшись, поворачивает на сто восемьдесят градусов, то есть бежит и спотыкается на шиверах в обратную сторону. Престарелой тётке — бабушке Пушихе — было уже за сто. Считали всем гамузом — за сто! Но удивительное дело, она была в свои сто остроглаза и легконога, как все женщины ороченки, хотя к этому народу никаким боком. Просто три лета подряд ниже стойбище ставили мужики-орочи на её дальнем покосе, а ушли вверх по Витиму — остались отцовой тётке заузевшие зоркие глазки, лодка оморочка, служившая ей верой и правдой, да вечно прижмуренная доча Галька, проживающая ныне в столицах Бурятии. Это её, Пушихи, уверенность и моё студенческое легкомыслие помогли тогда толково и без убытка разойтись в тайге с лохматой фауной, она же научила олуха немного ведать и столько же любить флору лекарскую, а равно и всю остальную. На мой шуточный вопрос, обитают ли здесь медведи, она, пыхнув трубочкой, строго ответила:

— Не они к тебе в город приехали, ты — к ним. Не суетись попусту, не лезь в их дела, не трогай их еду. Наука не хитрая.

— Блин! У вас тут, как на зоне — три «не»! — улыбнулся я.

— Не знаю, как на зоне, а в тайге так. И только так! — твёрдо закончила она.

Советам я внял, через неделю за мной заехал отец. Три встречи с медведями на их поле завершились вничью: по нолям. С этими знаниями о косолапых жить в городе можно. И даже легко. Сорок лет я жил, наблюдая медведей в фильмах Тимофея Баженова, в мультиках и сказках своих внуков. А вот вчера...

Я тихо-мирно рыбачил на своей речке Стахеевке. Свои «подписанные» хариусы уже были пойманы. Один я ловил наверняка, без зацепов и сходов, куда не торопился. Нет, вру! Один сход всё же был, но я сам его инспирировал: решил снять процесс вываживания. На яме, которую я называл Лукавой, в оранжевую «верховушку» вцепился добрый хайрюзина. Правой рукой сделал подсечку, а левой достал фотоаппарат. Но заснять не успел, так как приличный бурун ясно показывал, что «доедать» мою мушку рыба будет на дне под корягами. Я поймал себя на том, что не испытываю обычного волнения после схода крупной рыбы. Нет, опять вру! Волнение было, но поверх него прижилось ещё одно чувство. Оно угнездились чуть выше паха где-то между печёнкой и селезёнкой, но на теле я не смог бы показать где. И назвать я его тоже не мог.

Просто нечеловеческим, а скорее, собачьим верхним чутьём я ощущал ещё чьё-то присутствие. Я знал чьё, но старался даже мысленно не называть, чьё присутствие я ощущал. Говорят же, чёрта помянешь — он тут как тут! Но помятые местами кусты и трава, разворошённые муравейники, ягода не оборванная, а жамканная прямо на кустах говорили более чем красноречиво: он здесь!

Я решил сделать привал: попотрошить и посолить рыбу, развести костерок и вскипятить чай. Делал я это всегда, поэтому через десять минут весело хрустел малосольным огурчиком, запивая ломоть хлеба с маслом горячим чаем со смородиной. Я сидел спиной к речке на крошечном полуострове. Мне казалось, что так всё будет видно и слышно. Собственно, видеть можно было не дальше пяти-семи метров, всё остальное представляло сплошное нагромождение сгнивших и ещё живых деревьев так хитроумно переплетённых, что несведущий мог спросить: а идти-то здесь где?.. Звуки жили в этой урёме сами по себе, как-то отдельно друг от друга. Речка булькает на шиверке, ниже по течению всплеснул, заигравшись, хайрюзёнок, сосновая шишка летит, ударяясь о сухие ветки, уголёк в костре сипит от натуги, поджигая несгоревшую кедровую веточку...

Поэтому шепоток травы за спиной поднял мой загривок. Я инстинктивно подобрался и медленно, словно в рапиде, начал поворачивать голову туда, откуда был слышен шорох. Я поворачивал голову и привставал одновременно. Сжались под кепкой даже луковицы волос, готовые выпасть. На той стороне речки метрах в десяти от меня из высокой травы медленно поднимались две лохматые головы.

Медведи! Точнее, медвежата-пестуны. Если бы кто-то четвёртый посмотрел на нас со стороны, сказал бы, что у всех троих отпали челюсти. Я был внутренне готов к этой встрече, но не ожидал, что так быстро и так близко. Что думали две отнюдь не бурые, а скорее, жёлтые башки на той стороне, я не знаю, но «какого хрена здесь?..» в четырёх настороженных глазах я читал определённо. Дальше всё было на автомате и вопреки. По поваленной через речку берёзе я медленно пошёл навстречу гостям ли, хозяевам ли, а на полпути неожиданно для себя и зверей присел и хлопнул себя по бокам руками, потом сунул в рот два пальца и по-разбойничьи свистнул. Свистнул так, что чуть в речку не свалился. Косолапые бросились наутёк вверх по речке. «Где-то недалеко должна быть мамаша!» — почему-то подумал я и тоже, вопреки генным знаниям, побежал, только в другую сторону.

— И что, всё бросил и убежал? — спросил какой-то «левый» подросток в электричке не из рыбаков.

— А я тебе сто раз говорил, доходишься на эту задолбанную речку! — запальчиво, с искоркой истерики ввернул Колька Иванов.

Его самого весной там пуганула медведица.

— Правда, всё бросил? — ещё раз спросил дед Саня, заядлый и счастливый рыбак, который несколько раз просился со мной на речку.

— Да нет, добежал я до горы, остановился, сел перекурить, да и в боку кололо. Думаю, удочка и рыба — хрен с ними. Очки жалко! Новые! Вчера только взял. Ещё даже не расплатился. Свалил берёзку, выточил кол...

— А кол-то зачем? Надо было рогатину! — снова встрял подросток.

— Какую рогатину, балбес?! Летом медведи сытые: и человеками не питаются.

— Кол я так вытесал, для спокойствия. Ну, вытесал и пошёл. Иду той же дорогой, что и убегал, а ноги что-то не особо выражают желание двигаться.

— Ни в жисть бы не вернулся! Провались оно всё пропадом! — взвыл ещё один Саня, сторож из вечерней школы.

— Нет, дошёл я спокойно. Сумка с рыбой на ёлке висит, удочка и очки на месте. Только желание рыбачить пропало почему-то, — с улыбкой закончил я.

— Навсегда или только на сегодня? — с ехидной улыбкой спросил.

— Поживём — увидим.

...А чего здесь смотреть! Уже в следующую субботу я бодро шагал по утренней росе всё туда же, на свою речку Стахеевку. Рядом также бодро шагали два моих ученика, еда, так сказать, в ассортименте. О своей встрече на речке я им ничего не рассказал. А чего зря пугать ребятишек?

Жизнь...

Магазин был открыт, хотя семи ещё не было.

— Колбасы граммов триста! — мне надо было разменять тысячу.

— Какой? — продавщица скрывала зевоту.

— Любой! Только побыстрее можно?

— Вот классная. С орехами разными. Сырокопчёная! — разулыбалась продавщица.

Она протянула сдачу с тысячи — рублей полтораста.

Я глянул на цену сырокопчёной.

— Ой-ё-ё-ё!!! Это что за цена?!

— Дак орехи. Грецкие вон. Кэшью, фундучок...

Разбираться было некогда. Через десять минут электричка. А ещё до остановки чесать. Я вспомнил последнюю свою поездку с речки домой. Рыжая и наглая кондукторша в электричке само собой не видела, как я собирал на дорогу деньги по всем карманам: тряс куртки и брюки, заглянул в старую фуфайку, пошарил в коробках и баночках. За билет от второго разезда до станции Пионерской я отдал ей двадцать шесть рублей «десюнчиками». Билет она дала, но мои монетизированные средства высыпала прямо под сидения электропоезда. Я оторопел! Такого унижения я не испытывал никогда, даже тогда, когда в пионерском лагере пацаны на утренней линейке сдёрнули с меня шорты, а про себя подумал: «День не задался!» Ругаться или спорить было некогда — моя остановка.

Мартовский хвойный дух можно было пить гранёными стаканами, не закусывая. Даже грязь казалась фантастической: она замёрзла.

Справа от тропы застрекотала сорока. Эту воровку гнали две растрёпанные вороны. Полчаса бодрой ходьбы — и я стомиллиметровым новеньким буром быстро делаю три лунки. Прошло не больше пяти минут, а три хариуса уже трепыхались возле одной из только что пробурённых лунок!

«Надо поставить чаёк. Начало есть!» — подумалось мне. Я очистил небольшую полянку от снега, а костёрушко на литр чая уже обнимал горячими пальцами распречёрную консервную банку — мой походный котелок. Рюкзак был распакован: заварка в жестяной баночке, пять шоколадных конфет «Пилот», две осьмушки хлеба, помазанные маслом и щедро посоленные. На чёрном целлофановом пакете привольно расположился солидный кус колбасы, с натыканными в неё расколами и расщипами разных орехов. С отрезанного торца они были похожи на светлые звёздочки на вечернем небосклоне. Тонюсенкий пластик, тоньше промокашки в тетрадке в косую линейку, улыбался мне, источая невообразимый запах, но удочка на второй лунке дёрнулась и замерла. В мгновение ока я оказался возле, но опоздал с подсечкой.

Чёрную молнию я даже не увидел, а скорее почувствовал, настолько она была неожиданной и стремительной! Но результат был очевидным: одного хариуса не было. Норка утянула его в крайнюю лунку.

— Вот ты ж зараза! — ругался я на пушного зверька. — Обшлаг ты от норковой шубы!

Но доругаться не успел. Второй хариус, сверкнув нарядным плавником-парусом, вернулся в родную стихию.

— Попадёшься ты мне, ворюга! — третью рыбочку я положил в пакет, а пакет — в рюкзак.

Я налил в кружку чаю. Капора (этот чай я собрал летом сам, и сам приготовил!) благоухала, а три листика саган-дайлюшки (травка, продлевающая жизнь) придавали ему наипикантнейший оттенок. Спиной я оперёлся о толстенькую сосну. Она выросла на неудобнице и потому уцелела. «Вот она, минута высочайшего покоя и самого глубокого погружения в себя! Всепронизывающее наслаждение без сигарет и наркотиков, без заветных рыбацких стограммов...»

Я протянул руку за прикупленным деликатесом, и в эту секунду ещё одна молния, горластая и наглая, ухватила большой кусок и взлетела на стоящую рядом ёлку. Молнию я узнал. Это была сойка. От такого поведения птицы чуть не подавился чаем.

— Ты, воробей ошипанный, верни мою колбасу! — увещевал я птицу. — Я тебе всё прощу... Ну куда тебе столько? Рожа твоя наглая не треснет? — И кинул в неё меховой рукавицей, но не попал.

Ничего подходящего под руку не попадалось. Я лихорадочно перебирал вещи в рюкзаке. Сойка же, чуя, что свалившееся на неё громадное счастье могут отобрать, поудобнее перехватила колбасу за верёвочку и... полетела за реку.

А я положил на язык оставшийся тоньше промокашки кусочек...

Ох и времена настали! Каждый норвит ухватить кусочек посочнее да пожирнее! Жизнь...

Мы идём в поход

...А моя-то речка и вовсе без имени проживала. Рыбаки залётные, каким не лень ноги в руках таскать, Чащовкой прозывали, на картах — Чащеватой значилась, ученики мои Стахеевкой стали звать. Пришли однажды:

— Дозволь, учитель, без твоего догляда на твою речку смотаться? — жалобно так, в три голоса да наперебой.

— Чего вам приспичило, кажись, суббота не за горами. Вместе и поедем. Да и какая она моя, речка-то?! — буркнул я.

— Ты привёл нас туда, тропы показал, как хайрюза научил поймать, пусть будет Стахеевка, — резонно заметил старший.

— На ночёвку в избушку свою пристроил. Рыбу мало поймать, сохранить теперь сможем, — добавил младший.

— И посолим, и повялим, и на рожне в любой дождь пожарим, — выдал третий.

— Речка казённая, избушки — лесничего главного. Собрались — езжайте! С тропы — не дальше ста метров. Реки держитесь. Не жадничайте, мелочь выпускайте, — напутствовал я мальчишек.

Мальчишки баловались. Я учил их русскому языку и литературе, и сам словечки старорусские да диалектные начал вставлять в разговорную речь. Вот и щеголяли они передо мной, распихивая словеса куда надо и куда не надо. В пятом классе, дабы исполнить вековую мечту педагогов и родителей соединить детей и природу, я взял их на «свою» речку. Это был опрометчивый ход. Симбиоз таёжной речки пополам с рыбалкой определил воспитательную работу с классом на последующие пять лет. Усложнялось это тем, что между субботне-воскресными вылазками нужно было проводить пионерские сборы, собирать лом и макулатуру, заниматься общественно-полезным трудом (нам почему-то всегда доставалось разгружать тормозные колодки) и ещё кучей пустых, но очень важных дел. В пятницу к третьему уроку второй смены начиналось:

— Иванов, придурок! Ты хлеб купил? — спрашивал Андрюшка Ющенко.

— Я-то купил, а ты червяков накопал? — в свою очередь, налетал Иванов.

— Я-то накопал, а вот Бычка отпрашивать придётся у матери.

— Чего его отпрашивать, надо записку от Петровича показать.

— Ага, показать! Где её взять?

— Самим написать, — заявляет Иванов.

— Ты собираешься почерк классного руководителя подделывать? — восхитился Ющ.

— Шарик, ты балбес! Маман Бычка только его роспись видела. Почерк его она знать не знает, — успокаивает всех Иванов. — Боярин! Игорёха, бери листок и ручку!

Так появляется на свет записка:

Уважаемые Борис Григорьевич и Надежда Петровна! Убедительная просьба отпустить вашего сына Диму со мною на рыбалку. Сохранность ребенка гарантирую.

Кл. руководитель вашего сына

Стахеев С.П.

Была ещё одна заковыка. До седьмого класса мы брали с собой девочек. Но с некоторых пор они стали стесняться, когда я их осматривал, и однажды, бегло осмотрев мальчишек — клеща никто не словил? — я велел им подойти к костру. Они стайкой стояли поодаль и о чём-то перешёптывались. Ко мне подошла Ольга Иртуганова и попросила развести им костёр отдельно от мальчишек. Я не сразу понял. Дел перед ночью было ещё невпроворот: заготовить дров на всю ночь, почистить рыбу и картошку для ухи, устроить ночлег, и ещё один костёр в мои планы не входил. Я смотрел на свою «хорошистку», а она не знала, с чего начать. Заходящее майское солнышко осветило точёную фигурку Ольги в профиль, и... боже мой, я увидел, что выросли мои девчушки-пятушки. Стесняются своих округлившихся форм, меня, дятла безголового.

— Богданов, иди сюда! За поворотом речки разведи костёр поярче. Девчонки, бегом туда! Осмотрите перед сном друг друга получше.

— А кого искать-то нужно? — деловито осведомилась заноза Яковлева.

— Смотрите клещей, кого ж ещё на тебе найдёшь? — ядовитенько хмыкнул Питаев.

— Знать бы ещё, какие они... — сердито буркнула Яковлева. — И обалдуев наших к берёзам привязать. Ты ж первый, Питаев, замочную скважину начнёшь глазами полировать. Нет что ли?

Мальчишки стояли рядом с костром. От реки тянуло вечерней свежестью, но я велел верхнюю одежду снять. На плече рыжего Бажененка обнаружилась пара клещей: малюсенький чёрный самец и более крупная с красным пятном на спинке самка. Она-то и была самой опасной в этой паре. Я знал, в разные годы эта микроскопическая тварь отправляла на тот свет двух-трёх рыболовов и любителей даровой черемши и столько же становились калеками. Животные были благополучно сняты с плеча Олега и водворены в спичечный коробок. Рассиживаться они в нём долго не будут, и, вручив деревянную тюрьму девушкам, я громко скомандовал:

— Перетрясите всё верхнее и нижнее бельё. Особенно внимательно осмотрите шею, ямочки за ушами и другие «нежные» места. В чём сомневаетесь, — родинки, бородавки, прыщики, прилипший мусор, — тащите сюда, разберёмся!

Я присел на толстенный сосновый сучок, машинально поворошил костёр и, может, впервые за несколько лет увидел себя со стороны. Уже не новичок в школе, отец двоих своих мальчишек, я перетаскал на «свою» речку столько ребятни! Зачем? Противное время — только-только упала вода после паводка, отошло топкое и вонючее болото, породив несметные полчища летающих и ползающих, жужжащих и молчаливых кровососущих. Отвратительное место — пять километров след в след по узкой тропе. Дико переходный возраст детей: без авторитетов и комплексов, без умений и навыков, без элементарных знаний. Зато у них был я, мужественный и умелый! Они верили в меня, как верили в древних богов. Их учитель русского языка и литературы — мужчина, единственный в городе, а может, и в мире! Не хило? И пришёл в школу не откуда-нибудь, а из милиции. Это круто! И в поход они пошли первые и единственные. Это ва-аще!

Я улыбнулся, вспомнив первый поход. И переправу через Байроновку — трое, переходя по вибрирующей ели, окунулись благополучно в реку. И первую ночёвку — долго не могли уснуть: было столько впечатлений, требующих немедленного обсуждения!

Первого пойманного хариуса — редкий экземпляр, ещё в брачном наряде, — все, визжа и размахивая руками, хотели поцеловать в ледяные губы. Видимо, все до единого боги взялись тогда мне помогать. Никто не заболел, никого не покусал клещ, никто не сорвался с дерева, руки, ноги и головы остались целы. Больше всего ребяташки любили вечера, а если быть точным, то границу между вечером и ночью. Костёр помаленьку затухал, звёзды становились ярче, голоса тише, круг всё уже. Другими были мальчишки. Вон Пашка Богданов! В школе мальчишек толкает, девочек дёргает, обзывает. Здесь сидит, насупился — «наухился», Ольге руку подал, когда через ручей переходили. Картоху чистил, дров больше всех притаранил — молодчина, что скажешь. Девочки тоже другие. Мальчишек по именам зовут, да и друг с другом почти не спорят. Только рядом со мною сразу все сесть захотели. Трусихи! Честно сказать, не в очень весёлое место я их притащил. Толстенные пихты и вековые ели, заросшие седыми бородами, под ними громадная поляна черемши — дикого чеснока, а вдоль темнеющей речки отцветающая верба, с десяток тоненьких, как наша Ольга, берёзок.

Сонно плескалась рыба в нижнем перекаете. Я встал и отошёл на три шага за ветками, расшевелить костерок. Тьма сразу проглотила меня, зато сидящие возле огня стали видны как на ладони.

— А вдруг Петрович не придёт, бросил нас? — раздался мальчишечий голос.

— Да ну, он чо совсем! — усомнился девичий

— Совсем не совсем, а вдруг? Заблудился, например! — настаивал первый.

— Пацаны! А хоть кто-нибудь обратно дорогу запомнил? — я узнал голос старосты Ольги Иртугановой.

— Мальчишки, да вы кончайте нас пугать! — взвизгнула Натка Дыдыкина. — И так страшно!

Я вышел из своего убежища, подкинул прихваченные ветки в полупогасший костёр и присел на корточки.

— Всё! Заканчиваем посиделки. Кому нужно, сходите в кустики — и по палаткам.

Никто не двинулся с места. Пассажиры Земли отчаянно трусили,

— Мальчики, за мно-ой! Девочки, мы ушли.

И мы, действительно, ушли. Со мной мои пацаны никого и ничего не боялись и всё знали. Почти всё. Они уже знали, что прямо над головой у них сияет самая яркая звёздочка в северном полушарии — Вега, что завтра мы наловим хариусов и наберём черемши и что, пока я с ними, ничего плохого не случится.

Зачем уходить из дома?

Тебе, Жека!

Если бы мы знали, куда могут завести нас наши желания или куда они устремлены, если бы несоизмеримые с конечной целью громадные средства государства, наших не очень богатых семей и наших растущих организмов не были бы растрочены на исполнение этих желаний... Спросите мою старшую невестку. Она знает. Она знает, что работать в милиции и ходить пешком, стыдно. Что заведовать районным отделом культуры, ежегодно крыть крыши и делать отопление в клубах и библиотеках и не построить себе домика, глупо. Дожить до шестидесяти в нашей стране и не «погреть зону», «не почесать одно место» просто не модно.

Нам, мне и Жеке, было по десять, и цели мы ставили перед собой мизерные. А желания были крошечные, микроскопические: поймать какую-нибудь рыбу, вернуться домой непобитыми, рыбу поджарить и, как это ни странно, съесть

— Ты рыбачил когда-нибудь? — спросил я Жеку ещё по дороге на речку.

— Ага! Когда ещё мы жили в Иркутске, с соседом, — отводя глаза, ответил он.

— А какая там река? Рыбёха какая ловится? — доставал я его, будто не замечая его прятаных глаз.

— Здоровая речушка. Не знаю названия. И рыба — крупняк! Окунь, наверное, — а глаза опять убежали.

— Не! У нас в реке окуней нет. Гольяны да чебаки. Чебаки здоровые-е попадаются.

За разговорами дошли до Читинки быстро. Жека, неопытный, получил ещё пару «балабасов» — щелчков — в лоб. Игра у нас такая была. Мы высматривали стоящие и пробегающие мимо машины, и если у них был номер 25-25 ЧТГ или 25-52 ЧТА, например, и я увидел первый, то «балабас» получал Жека. Он их получал.

Сегодня из дома мы ушли... навсегда. Странно и страшно первый раз уходить из дома навсегда. Жеке надо было уйти, потому что старшая сестра назвала его «лопоухий баран». Уши у него, правда, немного оттопыривались, но он был не баран, а мой друг. Почти. У нас уже было две на двоих маленьких тайны — мы научились свистеть в два пальца, и общий «штаб», сделанный на чердаке спиртзаводской двухэтажки. И поэтому, когда я предложил ему уйти из дома навсегда, он сразу согласился. У меня была другая причина.

Мне стало казаться, что уйди я куда-нибудь, никто и не заметит, что меня нет. Отец был в вечных и бесконечных командировках — он возил строителям Северо-Муйского тоннеля муку, водку, трубы и кучу разных железяк. Мать работала на хлебозаводе посменно. Если она не была на смене, то спала как убитая. Она работала грузчиком и жутко уставала. Вот, чтобы никому не мешать, и надо было уйти... навсегда.

Место на речке у нас было своё. Мы быстро оснастили тополевым сучок толстой леской с настоящим кованым крючком «девяткой». С третьего заброса Жека поймал... себя за ухо. Крючок «девятка» острым жалом насквозь пронзил мочку правого уха. Цевье крючка не давало возможности его вытащить. Из всех зол я выбрал самое болючее — я просто взялся за леску и дернул, что было силы. Естественно, не выдержало ухо. А ещё через секунду я лежал на мокрой гальке с разбитым носом. Кровь из Женькиного уха и моего носа бежала-бежала и остановилась. А вот слёзы из его и моих глаз всё текли и текли.

— Ты кем будешь, когда вырастешь? — спросил я его, хлопая разбитым носом.

— Бу-уду пирожки продава-ать! — и друг снова залился слезами.

Я понял, что Жека хочет есть, и достал две краюхи хлеба, посыпанные солью.

— Я тоже буду продавать пирожки! — сказал я примирительно и протянул ему хлеб. — Давай я буду на углу Чкалова и Бутина, а ты на базаре.

На том и порешили. Мы оба будем продавать пирожки. С ливером и капустой, с картошкой и черемшой, с повидлом и вареньем. Здоровски! Захотел есть — съел, какой хочешь, сколько хочешь. Хочешь — один, а хочешь — пять...

Нам было по десять! Сегодня нам... по шестьдесят. У нас четыре высших образования на двоих, дети, внуки, квартиры, машины. Скоро, уже совсем скоро, мы уйдём из дома... Навсегда... Но так хочется поторговать пирожками на углу Чкалова и Бутина. Или на базаре... в родной Чите... вместе с Жекой!

Впрочем, нигде мы не поторгуем больше вместе: вчера, 5 октября 2013 года, его похоронили в городе Томске — городе его юности...

Упокой со святыми, Господи, друга моего!!!